
ЛИТЕРАТУРА XX–XXI вв.

Русская литература

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2023.04.10

ИРБЕ А.Э.¹ ПРИШВИН О ДЕКАДЕНТАХ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДА К ТВОРЧЕСТВУ И К РЕАЛЬНОСТИ ЖИЗНИ. (К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)©

Аннотация. Статья посвящена размышлениям М.М. Пришвина о судьбе и значении декадентства как течения в литературной жизни России; он сопоставляет свое мироощущение и творческий метод с мироощущением и творческим методом декадентов. Основным материалом для исследования послужили дневники писателя 1907–1925 гг. и его рассказ-очерк «Мои тетрадки». Заметки писателя о декадентах уникальны тем, что часть из них была сделана в период расцвета декадентства в России, часть – по итогам переосмысления этого явления под воздействием происходивших политических и социальных изменений после 1917 г. Примечательно и то обстоятельство, что сам Пришвин никогда не являлся декадентом, не был глубоко погружен в их религиозно-философские искания, не увлекался декадентским искусством, а потому его заметки представляют собой впечатления стороннего наблюдателя, по воле судеб оказавшегося частым гостем салона Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского – главного места встреч декадентов.

Ключевые слова: М.М. Пришвин; дневники; декаданс; декадентство; Д.С. Мережковский; З.Н. Гиппиус; творческий метод.

---

¹ Ирбе Александра Эмиловна – аспирантка, Литературный институт им. А.М. Горького, Москва, e-mail: sashairbe@gmail.com

© Ирбе А.Э., 2023

Для цитирования: Ирбе А.Э. Пришвин о декадентах. Сравнительный анализ подхода к творчеству и к реальности жизни. (К 150-летию со дня рождения писателя) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2023. – № 4. – С. 131–145. – DOI: 10.31249/lit/2023.04.10

IRBE A.E.¹ Prishvin about decadents. Comparative analysis of their approaches to creativity and to the reality of life. (To the 150-th anniversary of the writer's birth)©

Abstract. The article deals with the reflections of M.M. Prishvin on the fate and significance of decadence as a literary movement in Russia; Prishvin compares his own worldview and creative method with those of decadents. The article regards Prishvin's diaries of 1907–1925 and his story-essay *My Notebooks*. Some of the writer's notes about decadents were made during the heyday of decadence in Russia, and some – after the Revolution of 1917, after rethinking past events. Prishvin himself was never a decadent, was not deeply immersed in the religious and philosophical searches of his time, was not fond of decadent art. His notes are unique. They represent the impressions of an outside observer who accidentally became a regular guest of the Gippius' and Merezhkovsky's Salon, the main place for decadents in Russia.

Keywords: Mikhail Prishvin; diaries; decadence; Dmitry Merezhkovsky; Zinaida Gippius; creative method.

To cite this article: Irbe, Alexandra E. “Prishvin about decadents. Comparative analysis of their approaches to creativity and to the reality of life. (To the 150-th anniversary of the writer's birth)”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 4, 2023, pp. 131–145. DOI: 10.31249/lit/2023.04.10 (In Russian)

М.М. Пришвин (1873–1954) так и не смог почувствовать себя своим в декадентских кругах русских писателей в 1905–1910 гг. Слишком отличны были его взгляды на жизнь, духовность, творчество, народ, слишком расходились они со взглядами тех, кто

---

¹ **Irbe Aleksandra Emilovna** – post-graduate student, Maxim Gorky Literature Institute, Moscow, e-mail: sashairbe@gmail.com

© Irbe A.E., 2023.

считался тогда властителями человеческих дум (Д. Мережковский, З. Гиппиус, В. Иванов, В. Розанов, К. Бальмонт, А. Блок, А. Белый). Пережив глубокое увлечение декадансом, символизмом и новым искусством (эти понятия были тогда почти синонимичны друг другу¹), поэты и писатели, участники салонной литературной жизни, каждый по-своему, искали выход из экзистенциального одиночества и социальной отчужденности, в которых, благодаря противопоставлению себя реальной, обыденной жизни, они оказались. Но Пришвин заметил лишь то, насколько искусственны были их поведение и их мысли.

«– У вас, – сказал Мережковский, – биографически: вы не проходили декадентства. – А что это значит? (декадентство. – А. И.) – Я – Бог. Нужно пережить безумие. А вы здоровый...» – находим мы в дневниковой записи Пришвина от 2 февраля 1909 г. [Пришвин, 2019, с. 204]. Фраза Мережковского может послужить ключом к пониманию того, почему мироощущения декадентов и Пришвина оказались несхожи.

«Биографически», в разгар увлечения русских писателей философией А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, немецких романтиков, В. Соловьева, творчеством декадентов² (Ш. Бодлера, П. Верлена,

---

¹ Использование этих понятий как взаимозаменяемых можно найти, например, в статье Д. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» [Литературные манифесты, 2001, с. 34–42]. Определенную их синонимичность отмечают также И.М. Покидченко [Покидченко, 2019, с. 124–141], А.А. Климентов [Климентов, 1913, с. 9–12]. В статье «Элементарные слова о символической поэзии» К. Бальмонт также пишет о том, что чувствует себя «совершенно бессильным строго эти понятия разграничить» (речь идет о символизме, импрессионизме и декадентстве как о едином воплощении нового «романтического» искусства [Литературные манифесты, 2001, с. 52–56]. На взаимозаменяемость в русской литературной традиции терминов «декадентство», «символизм» и «новое искусство» указывает современный американский ученый Джонатан Стоун [Stone, 2017, p. 35–44].

² В рамках декадана происходит становление особого типа творчества – «жизнетворчества». Писатель развивает по принципам искусства не только свое художественное творчество, но и свою жизнь, биографию, образ. Основными чертами русского декадана стали его философско-мистическая направленность, сосредоточенность не столько на эстетических, сколько на религиозно-духовных исканиях, социальная и политическая пассивность; см.: [Климентов, 1913, с. 172; Цвик, 1985, с. 6–10].

Ж. Гюисманса, О. Уайльда), культурным явлением *fin de siècle*¹ Пришвин не был еще писателем и, следовательно, не принимал участия в литературном процессе. В эти годы он учился на агронома в Рижском политехникуме, а затем – в Йенском университете, провел несколько месяцев в тюрьме за социал-демократические убеждения, работал по профессии, написал ряд научных трудов по земельному и лесному хозяйству. Его литературная деятельность началась с работы корреспондентом в различных изданиях, где он писал на самые разные темы, с фольклорных экспедиций по Русскому Северу, где и собрал материалы для первой книги рассказов «В краю непуганых птиц». «Я начал свое ремесло с того, что, ничего не имея в кармане, отправился за сказками в тот край, где прошел теперь Беломорский канал», – повествовал Пришвин о начале своего творческого пути в «Моих тетрадках» [Пришвин, 1949, с. 154].

Все это дало ему уникальный жизненный опыт, который складывался не из осмысления творческих и философских концепций, не из литературно-салонных споров, не из поисков способов писательского вдохновения (медиумное письмо, эротика, обращение к миру неведомых сил) и не из разработки новых художественных приемов), как это было свойственно декадентам [Покидченко, 2019, с. 124–141], а из наблюдений за бытом и обычаями далеких от столиц и от литературы людей, из наблюдений за естественным поведением природы. «Чем отличается мой путь от декадентов: <...> У них “я” – бумажный бог. У Мережковского это “бумажное” существо превращено в “культурное” существо, и вся культура сама превращена “в книгу”», – писал он в своем дневнике [Пришвин, 2019, с. 50–51].

На момент вхождения Пришвина в литературные круги ему было уже больше 30 лет – возраст для начинающего писателя солидный, – но благодаря уникальному материалу и неординарному для того времени взгляду на мир (Пришвин видел путь к душевной

---

¹ Основными характеристиками *fin de siècle* как культурной ситуации считается специфическое (символистское) мироощущение, распространение «эсхатологических» настроений, культа эстетизации смерти, повышенный интерес к бессознательным процессам, к маргинальным и мистическим феноменам бытия, рафинированность и утонченность. В России *fin de siècle* совпало с распространением декадентства [Самсонова, 2003, с. 11–24].

гармонии в единении с природой, а не связывал его с социальным переустройством общества, религией или искусством [Пришвин, 2019, с. 241]). Рассказы Пришвина привлекли к нему внимание читающей публики, пробудили к нему интерес и в литературных салонах.

В отличие от Пришвина, большинство представителей поколения декадентов, к которому он относился по году рождения (1873), начинали свой творческий путь очень рано. Например, поэт-декадент Александр Добролюбов в возрасте 19 лет выпустил первый сборник стихов «*Natura naturans. Natura naturata*», быстро сделавший его популярным не только среди русских, но и среди западных декадентов [Stone, 2017, р. 3]. Зинаида Гиппиус к 25-летнему возрасту уже была общепризнанным литературным критиком, прозаиком и поэтом, постоянным автором таких значимых в то время журналов, как «Северный вестник», «Вестник Европы» и др.

В отличие от Пришвина, имевшего естественно-научное образование, на которое он потратил юношеские годы, почти все писатели-декаденты с детства получали углубленное гуманитарное образование сначала дома, а затем в самых лучших учебных заведениях нашей страны, а юность проводили в Санкт-Петербурге или в Москве, в атмосфере творческих и философско-религиозных дебатов, одухотворенного празднества и эпатажного флирта.

«В те времена, – пишет в “Моих тетрадках” о литературных кругах начала XX в. Пришвин, – <...> некоторые писатели уже начинали терять связь с народом и брали слова больше из книг, чем из уст». И действительно, достаточно заглянуть в публицистику Мережковского, Белого, Блока, Бальмонта 1890–1905 гг., чтобы заметить, что в своих рассуждениях о чем-либо обращались они к философским идеям, а не к опыту жизни, что история Древней Греции, Древнего Рима и история современности были для них не менее интересны и ценны. В своих статьях, письмах, дебатах писатели-декаденты с увлечением спорили о взглядах романтиков, идеалистов и реалистов, о проблемах православия и католичества, о художественных методах различных авторов и разных эпох. И все это через призму дуалистического восприятия мира, через размывание граней добра и зла [Климентов, 1913, с. 9–10], через стремление существовать сразу в мире «видимом» и в мире «ту-

манном» [Покидченко, 2019, с. 220]. Такое усложненное мироощущение, несомненно, было и результатом образования, и результатом моды, и результатом происходивших в обществе социально-экономических процессов, а не только настроения *fin de siècle* [Климентов, 1913, с. 6–10].

По едкому замечанию Пришвина, представление об «отечестве» складывалось у русской интеллигенции «по Иловайскому»¹. Родина представлялась ей как «полтораэта миллионов неграмотных дикарей, организованных в целое царской властью» [Пришвин, 2016, с. 358], которым не нужна никакая культура. Из этого следовало, что представители интеллигенции (очень малое количество умных и образованных людей, к числу которых, безусловно, относили себя декаденты) живут как бы в отдельном от других государстве, в его высших кругах, говорят как бы на знакомом, но чуждом для этих «дикарей» языке. В «Заветах символизма» Вячеслав Иванов писал, что язык искусства, язык образного выражения мысли в слове априори не может быть понятным для всех, что «спор идет не между поклонником отвлеченной, внежизненной красоты и признавшими одно “полезное” практиками жизни, но между “жрецом” и толпой, переставшей понимать “язык богов”, отныне мертвый». По мнению Иванова, поэт, художник слова «всегда религиозен, потому что – всегда поэт; но уже только “рассеянной рукой” бряцает он по заветным струнам, видя, что внимающих окрест его не стало» [Литературные манифесты, 2001, с. 99–103]. Получалось, что, если читателя, понимающего «язык богов», не осталось, то творческий человек только и мог говорить с собой и с немногочисленным количеством тех, кто этот язык понимал. Пришедший из Франции тезис «Искусство ради искусства»² освобождал декадентов от каких-либо обязательств перед ис-

---

¹ Д.И. Иловайский (1832–1920) – автор учебников по русской истории, распространенных в дореволюционной России.

² «Искусство ради искусства» (фр. *l'art pour l'art*) – концепция, ставшая популярной благодаря работам Т. Готье, подчеркивающая автономную ценность искусства и рассматривающая озабоченность моралью, пользой, реализмом и дидактикой как не имеющую отношения и даже вредную для художественных качеств произведения. Авторство этой фразы не доказано, но принято считать, что впервые ее произнес философ Виктор Кузэн на лекции, прочитанной им в Сорбонне (см.: [Зенкин, 1999, с. 170–200]).

торией и перед широким кругом читателей, на которых работали реалисты. Это привело в свою очередь к глубокой элитарности декадентства в России. Его представители, в отличие от своих западных коллег, среди которых встречались и политики, и атеисты, глубоко погружались в идеи и мироощущение религиозного мистицизма, не интересовались социальными и политическими проблемами своей эпохи. Такие специфические черты русского декадентства отмечают в своих работах исследователи различных периодов и различных теоретических школ: в 1913 г. – А.А. Климентов [Климентов, 1913, с. 153], в 1985 г. – И.Я. Цвик [Цвик, 1985, с. 4], в 2019 г. – И.М. Покидченко [Покидченко, 2019, с. 125–130].

Еще А.А. Климентов подчеркивал, по его мнению, главную проблему, которая существует в понимании русского декадентского искусства: оно изначально было нацелено на то, чтоб не поддаваться законам логики и здравого смысла, а ощущаться чувственно и интуитивно. «Вступать в эту область с обычными тяжеловесными орудиями разума и его логики по существу то же самое, что с лопатой и топором лезть на небо, чтобы созидать или разрушать воздушные замки», – утверждал А.А. Климентов [Климентов, 1913, с. 8–9].

«Я должен быть царем и богом, чтобы принять Христа», – вспоминал Пришвин в своих дневниках слова Д. Мережковского [Пришвин, 2019, с. 310]. И здесь ярко проявляется не только религиозный мистицизм, но и «нищшеанская позиция» русского декадентства: стремление приблизиться к сверхчеловеку, духовно переродиться. Только самому став творцом, по мнению Д. Мережковского, можно обрести внутреннюю свободу, почувствовать переживания, доступные Богу, понять его не через навязанные религией и обществом мысли и взгляды, а через свой внутренний опыт [Покидченко, 2019, с. 124–148]. Из этого выходило «боготворчество» и «богоискательство»¹, в которых обвиняли декадентов с одной стороны представители церкви, а с другой – реалисты [Климентов, 1913, с. 124–148]. Уже спустя годы Пришвин заметит, что люди, «живущие во власти идей» [Пришвин, 2019, с. 241], перерождаются,

---

¹ «Богоискатели» и «богоискательство» – определения, которые Пришвин часто использует в своих дневниках для обозначения декадентов и символистов.

«не сохраняя себя», создают «культ слова и за этим словом разломанная душа (декаденты)» [Пришвин, 2019, с. 241].

Первая запись в дневниках Пришвина о писателях-декадентах относится к 7 октября 1908 г. В этот день он побывал в гостях у Мережковского и Гиппиус – идеологов питерской школы русского декадентства и тут же был включен в совет Религиозно-философского общества, ими организованного и собиравшегося тогда в их петербургской квартире. Пришвин без труда догадался о причине настолько быстрого приема: заметил, как оживился Мережковский, когда узнал, «что на Светлом озере их помнят» [Пришвин, 2019, с. 175].

Д. Мережковский вместе со своей семьей побывал на Светлом озере в 1902 г., общался со староверами, которые тогда там жили, проповедовал им свои религиозно-философские взгляды, был поражен, что люди образованные его не понимали и не понимают, а люди простые сумели понять. «Мережковский наш, он с нами притчами говорил» [Пришвин, 2019, с. 178], – вспоминал отзывы местных жителей об их «необычном госте» Пришвин. К моменту своей встречи с властителем декадентских дум писатель только вернулся со Светлого озера и стал для Мережковского носителем приятных воспоминаний.

Показательно, что отправившись туда с общей для обоих целью (познакомиться с местными жителями, с их обычаями, понаблюдать за их жизнью), для достижения ее Пришвин и Мережковский выбрали противоположные пути. Первый предпочел оставаться сторонним наблюдателем: слушал, записывал, примечал. Эту позицию он сохранит и в свои поздние творческие годы: воспринимать и принимать жизнь такой, какая она есть, не теряя связь с реальным, естественным миром. Второй (Мережковский) стремился выстроить диалог («рационалистический мост» [Пришвин, 2019, с. 175]) между своим религиозно-мистическим миром и миром реальным, проповедовал местному населению свои философские идеи, делая выводы о том, как оно эти идеи воспринимает.

В своей записи Пришвин замечает, что у его новых друзей «много надуманности», «значительности», что не чувствует тех «путей», которые могли бы превратить их экзальтированные идеи в реальность. Показательна зарисовка Пришвина, которой заканчивается запись данного дня: «Рассказ “Зорька”. Бог послал мне

спутницу умную, верную, но без слов» [Пришвин, 2019, с. 175]. Как можно предположить, сказалась его усталость от излишней разговорчивости Гиппиус-Мережковских при отсутствии конкретного дела. Но для декадентов все их разговоры, идеи, рожденные образы – и есть их реальная жизнь, тот мир, в котором они существуют. Как для людей урбанистического склада, для них важнее было небо на картине художника или в их собственном воображении, чем реальное небо.

Пришвин стремился не увлекаться игрой воображения, не использовать жизнь в качестве черновика для своих художественных произведений, а наоборот, насколько это возможно, уловить и принять ее простые черты: «Бывало не раз, устанешь на охоте и заночуешь в лесу, и вот к твоему огоньку придет какой-нибудь человек, и тут, у костра, этот местный человек что-нибудь расскажет... А после вспомнится и то дерево, под которым развел теплинку, и тот ручей, который пел тебе всю ночь», – пояснял писатель свой творческий метод [Пришвин, 1949, с. 158].

Как человек, воспитанный на естественных науках, где принято строить теории, исходя из практики, и практикой их проверять, Пришвин, в отличие от декадентов, рассматривал искусство не как способ спасения от “бессмыслицы жизни”, а как один из способов познания бытия, как поиск этого смысла. «Если декадент раскрывает смысл раньше творчества, то зачем притягивать поэзию?» – задавал он вопрос [Пришвин, 2019, с. 133]. Восприятие творчества как способа познания и отражения реального мира роднит его с Толстым, утверждавшим, что он не написал бы «Анну Каренину», если бы «хотел словами сказать все то, что имел в виду выразить романом», что только в сплетении слов, образов выходит то целое, которое при разборе на части теряет художественную гармонию, упрощается до искажения смыслов [Толстой, 1984, т. 18, с. 784].

Еще одна черта, отличавшая Пришвина от декадентов, – это его финансовое положение и необходимость заботиться о нем в обыденной жизни: «...У гениального, молящегося в толпе, не должно шевелиться никогда вопроса: “Почему я, быть может, в сто раз гениальней Мережковского, всю жизнь пресмыкаюсь в этой толпе, за гроши размениваю свою гениальную творческую душу, а ведь он никогда, никогда не знает материальной нужды и,

предвечно устроенный, чистый, стоит на клиросе?» – рассуждал в своих дневниках Пришвин. – Такого вопроса не поднимается никогда, потому что он, бесспорно, правильно при рождении своем освобожден от всеобщей нашей хлебо-воинской повинности» [Пришвин, 2019, с. 310]. О своем жизненном опыте Пришвин писал, что «много лет нужно было странствовать по лесам, ночевать у костров и подчас кормиться только удачливой охотой на птицу или зверя» [Пришвин, 1949, с. 162], чтобы иметь возможность заниматься творчеством, писать не о том, за что платят, а о том, что он сам считал интересным.

Однако отстраненное отношение к материальному у Мережковского, Гиппиус, Белого, Блока было связано не только с тем, что все они – выходцы из аристократических, из интеллигентских семей, что в процессе их воспитания даже не предполагалось, что когда-нибудь им придется решать не только проблемы духа, искусства, но и бытовые проблемы, а с самим мироощущением *fin de siècle*, настроенным на то, что все материальное тщетно, и направленным на интуитивный, внутренний мир человека. Отдавая должное «людям лунного света»¹, Пришвин писал: «Не будь у Мережковского никаких средств к жизни, ну, он занял бы положение опять такое, что этот языческий, материальный, грубый способ борьбы за существование бил бы его только по телу, но не по душе: душа этих людей имеет прямое отношение к слову» [Пришвин, 2019, с. 310].

Любопытны в дневниках Пришвина его первые впечатления от внешности поэтов и писателей-декадентов. «...Пришла Гиппиус... Я заметил ее пломбы, широкий рот, бледное с пятнами лицо...» [Пришвин, 2019, с. 175]. Это описание реалистическое, обыденное, а не привычный для нас уже общепризнанный образ Гиппиус – Декадентской Мадонны, или Белой Дьяволицы, или Прекрасной Дамы при рыцаре духовных сфер Мережковском [Говсиевич, 2013, с. 28]. Не менее красочно воспоминание Пришвина о знакомстве с А. Белым: «...У поэта красная роза в петлице, плешив, тих, говорит вкрадчиво, впечатление сосунка Зинаиды

---

¹ «Люди лунного света» – название книги Розанова, в которой, по словам Пришвина, «дает нам прямо анатомию психики таких людей» (таких, как Мережковский) [Пришвин, 2019, с. 310].

Николаевны. “Знакомьтесь, хорошо знакомьтесь”...» [Пришвин, 2019, с. 190]. Для сравнения вспомним описание А. Белого, данное Мариной Цветаевой: «Всегда обступленный, всегда свободный... в вечном сопроводительном танце сюртучных фалд... старинный, изящный, изысканный, птичий» [Цветаева, 2005, с. 121]. М. Цветаевой, как и большинству поэтов Серебряного века, свойственно было видеть в человеке более его образ, воплощение божественного в земном, чем реального человека.

К рассуждениям о декадентстве как о противоположном всему материалистическому, бытовому и варварскому, а вместе с тем и к рассуждениям о судьбах русской интеллигенции Пришвин возвращается уже в послереволюционные годы. Теперь он не противопоставляет себя декадентам, а противопоставляет их как представителей русской интеллигенции народным массам: «Господствующее мирозерцание широких масс рабочих, учителей и т.д. – материалистическое, марксистское. А мы – кто против этого – высшая интеллигенция, напिताлись мистицизмом, прагматизмом, анархизмом, религиозным исканием, тут Бергсон, Ницше, Джемс, Метерлинк, оккультисты, хлысты, декаденты, романтики; марксизм, а как это назвать одним словом и что это?.. – пишет Пришвин в дневниках 1918 г., встретившись с той обновленной действительностью, которой увидеть не ожидал, и на фоне которой декаденты оказались ему понятней и ближе. – ...Сейчас, когда пишу, просвистел над крышей моего дома снаряд, и так отчетливо, а откуда он послан был – неизвестно, не слышно, может быть, верст за десять» [Пришвин, 2008, с. 428].

Проходит еще время, и явление декадентства уже не представляется Пришвину чем-то особенным, свойственным определенной эпохе: «Чан: пророки. Все они, как декаденты, так и хлысты и социалисты, претенденты на престол и, в сущности, спорят о стиле трона, который каждый из них творит для себя: каждый скрывает в себе царька. И, падая, одни ломают себе шею, другие идут ко всеношной, третьи язычники: в Крыму в Коктебеле “кадетская партия”» [Пришвин, 2009, с. 279]. Писатель приходит к убеждению, что любое объединение людей, решивших, что только они знают, как правильно надо построить новую жизнь, в результате заканчивает тем, что стремится к власти, отрицая и стремясь подавить все, что их мнению противоречит. Власть становится для

них способом самоутверждения и самолюбования, а не возможностью принесения пользы.

В 1920-х годах Пришвин замечает уже не только отрицательные черты декадентства в России (оторванность от реальности, от природы и от обычной жизни людей), но отмечает и его положительную роль в истории отечественной словесности: «...Революция декадентства была началом <1 нрзб.> автора, это была литература Европы, всех ее эпох, опрокинутая в чан русского варварства» [Пришвин, 2016, с. 358]. Ограниченность, уравнивание, отход от индивидуальности, упрощение в литературе, ее подчинение запросам текущего времени, ставшие государственной политикой по отношению к художникам слова в 1920-е годы, воспринимались Пришвиным так же отрицательно, как представителями русского декадентства. Образ «чана» становится для писателя символом стихийной, бессловесной истории, разрушающего хаоса, в котором варятся все независимо от жизненных позиций и взглядов («Жизнь наша – чан кипящий, мы варимся в этом чану, у нас нет ничего своего отдельного, и не знаем, у кого какая рубашка: нынче она у меня, а завтра у соседа» [Пришвин, 2008, с. 34]). В стремлении людей объединиться в различные группы он видит прежде всего их желание защитить себя от неопределенности, упорядочить хаос, придать ему словесную форму [Урюпин, 2023, с. 35–38].

Пришвин возвращается к теме декадентов в 1920-е годы еще и по той причине, что сам ищет для себя духовно-нравственный выход из сложившихся обстоятельств (бытности послереволюционной России, где он далеко не все мог понять и принять), сам находится в поисках Бога, оказавшись в почти атеистическом государстве.

Из рассказа-очерка «Мои тетрадки» следует, что охота за «несгораемыми словами» – творчество – и становится для автора его спасением, его делом. Но значительно ли отличается этот путь от пути декадентов?! Они тоже создавали для себя мир из слов, за которыми охотились, мир, в котором им было комфортно, наполненный предметами и образами их юности и их детства: книгами, героями, мистическими и религиозными переживаниями, поисками связей между вечным и вещным. У Пришвина мир слов так же заполняется тем, что в юношеские годы окружало его: наблюде-

ниями за природой, за людьми, близкими к ней, образами детей как носителей того лучшего и естественного, что человеку дано. Но пришвинский побег в мир природы и в восприятие мира глазами ребенка – это тоже побег от всех тех социальных проблем и политических вопросов, которые ставило перед ним время.

«Мне видится будто наступило время Страшного суда... – писал Пришвин в финале “Моих тетрадок”. – Я успел в чемодан только тетрадки сложить и ужасно спешу на вокзал к отъезду на “тот свет”. Вот прибежал, вижу – поезд тронулся. Чтобы вскочить на ходу, бросаю в открытую дверцу чемодан с тетрадками, а самому вот только бы вскочить – откуда ни возьмись, кондуктор – хватя меня по руке: “На ходу вскакивать не разрешается!” И поезд уходит на тот свет с моими тетрадками, и все уезжают, и я остаюсь на земле, и вот горюю, вот горюю, не о том горюю, что на земле остался, а о том, что без тетрадок моих не будет мне оправдания: тетрадки мои, только тетрадки хранят несгораемые слова» [Пришвин, 1949, с. 162].

«Тетрадки» – это дневники Пришвина, в которых он в течение почти пятидесяти лет запечатлевал и свою жизнь, и свою эпоху независимо от существовавшей тогда цензуры, отображал не удобный для существования мир (мир природы, мир детства), как это было в большинстве его опубликованных при жизни произведений, а действительные проблемы текущей эпохи, свои переживания и отношение к ним. Как и декаденты, Пришвин столкнулся с невозможностью соединить свой внутренний мир с реальностью времени, в котором он жил.

«Жуткий сон повторяется, и не без смысла: я понимаю этот сон о несгораемых словах и Страшном суде как суд моей совести над делом жизни: хорошим ли мастером ты был, делал ли больше в своем мастерстве, чем это нужно только себе, – все равно – писатель ты или сапожник Цыганок из Марьиной рощи», – завершает Пришвин очерк «Мои тетрадки» [Пришвин, 2019, с. 163].

При жизни Пришвина его дневники не были изданы. По этой причине писатель не мог быть уверен, появятся ли они на свет когда-либо позже, будут ли восприняты будущим читателем, смогут ли принести ему самому как будущему читателю, пользу?!

Декаденты писали прежде всего для себя. Вопрос о пользе творчества оставался для них вопросом к вселенной. Вспомним

А. Шопенгауэра – одного из главных философов декадентства: «Порой я говорю с людьми так, как ребенок со своей куклой: он знает, что кукла не понимает его; но он получает радость от общения» [Шопенгауэр, 2011, с. 484].

Для читателей-урбанистов и идеалистов, читателей, проводивших свою юность в общении с книгами, в больших городах, всегда понятней окажутся декаденты; для других читателей, выросших в окружении природы, естественной жизни, – Пришвин. Но несмотря на разность понимания роли искусства, разность, а в некоторых вопросах и противоположность взглядов на мир, и творчество Пришвина, и творчество декадентов несомненно стало неотъемлемой частью русской литературы, перешедшей из «малого времени» в «большое время» (по терминологии Бахтина).

Список литературы

1. *Варламов А.Н.* Пришвин. – Москва : Молодая гвардия, 2021. – 548 с. – (ЖЗЛ : сер. биограф. ; вып. 1886).
2. *Говсиевич Е.* Серебряный век глазами очевидцев: 26 писателей-мемуаристов о 26 писателях Серебряного века. – Москва : Маска, 2013. – 304 с.
3. *Зенкин С.Н.* Теофиль Готье и «искусство для искусства» // Зенкин С.Н. Работы по французской литературе. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 170–200.
4. *Климентов А.А.* Романтизм и декадентство : философия и психология романтизма как основа декадентства (символизма). – Одесса : тип. Л. Нитче, 1913. – 263 с.
5. Литературные манифесты : от символизма до «Октября» : [сборник] / сост.: Н.Л. Бродский, Н.П. Сидоров. [Переиздание 1924 г.]. – Москва : Аграф, 2001. – 374 с.
6. *Покидченко И.М.* Феномен декаданса в европейской культуре второй половины XIX – начала XX века : дис. ... канд. культурологии. – Москва, 2019. – 254 с.
7. *Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917. – Санкт-Петербург : Росток, 2007. – 608 с.
8. *Пришвин М.М.* Дневники. 1918–1919. – Санкт-Петербург : Росток, 2008. – 560 с.
9. *Пришвин М.М.* Дневники. 1920–1922. – Санкт-Петербург : Росток, 2016. – 496 с.
10. *Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. – Санкт-Петербург : Росток, 2009. – 559 с.
11. *Пришвин М.М.* Зеленый шум : избранные произведения. – [Москва] : Молодая гвардия, 1949. – 492 с.

Пришвин о декадентах. Сравнительный анализ подхода к творчеству и к реальности жизни. (К 150-летию со дня рождения писателя)

---

12. *Пришвин М.М.* Ранний дневник. 1905–1913. – Санкт-Петербург : Росток, 2019. – 800 с.
13. *Самсонова С.А.* «Fin de siècle»: культурологическая дефиниция и художественные практики : дис. ... канд. культурологии. – Кострома, 2003. – 147 с.
14. *Толстой Л.Н.* Собр. соч. : в 22 т. – Москва : Художественная литература, 1984. – Т. 18. – 911 с.
15. *Урюпин И.С.* Семантическая оппозиция «чан» / «чаша» в творчестве М.М. Пришвина (к 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2023. – № 1. – С. 35–42.
16. *Цветева М.* Пленный дух: воспоминания о современниках, эссе. – Санкт-Петербург : Азбука классика, 2005. – 448 с.
17. *Цвик И.Я.* Религия и декадентство в России. – Кишинев : Штиинца, 1985. – 192 с.
18. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. – Минск : Харвест, 2011. – 848 с.
19. *Stone J.* The institutions of Russian modernism : conceptualizing, publishing, and reading symbolism. – Evanston, Ill. : Northwestern univ. press, 2017. – 304 p.